

Наградой для нас стал мир

Запомнилась статья в “Заре”, как два друга спасли нашего летчика во время войны. Автор пишет, что не хвастается, что все – правда. И я тоже не хвастаюсь, и очень-очень рада за таких людей – это мое поколение старой закалки.

Я горжусь своей бабушкой, она заменила мне мать, дедом Хачатуром Аносяном. Он жил рядом с нашим домом вместе с внучкой-красавицей Кехецик и невесткой Вартуги-мама (так я ее называла). А сын его воевал. Дед был невысокого роста, плечистый, и душою красив необыкновенно. Он жил в доме недалеко от моста, на высоком берегу речки. Рядом обитала семья Манукянов.

На случай обстрела нас эвакуировали. Но дед и бабушка остались, и я с ними. Потом все-таки уехали на бричках в сторону Больших Салов. Это было летом 1942-го, в самую жару. С собой в дорогу взяли целые мешки огурцов – вместо воды. И Гюрех-баби Шагинян со стадом баранов тоже кочевал, чтоб не попасть к немцам. Ведь был

приказ Сталина: беречь колхозное добро.

Меня тоже посадили в бричку и повезли, но на полпути я сбегала домой к бабушке. Осталась в памяти и суровая зима 1943-го, середина февраля. Стужа, тяжелые бои, кровь на снегу...

Помню, как фашисты шли потоком, головы, уши замотаны у кого шарфом, у кого платком женским. А бабушка говорит: “Даже матушка-зима помогает нам стереть врагов с лица земли”. Мост, что рядом с домом деда, располагался тогда ниже, как бы в яме. Фашисты спустились к нему и долго там возились. Дедушка догадался: мины ставят. Сразу взорвут? Нет, оставили, ушли в сторону Таганрога. Наступила тишина, вечер. Дед Хачатур всю ночь не спал, и мы с бабушкой глаз не сомкнули. Я все запомнила, мне было почти семь лет.

Взрослые дежурили, ходили к мосту, а снег валил, не переставая. Бабушка говорит: “Когда уже рассветет?”. Наконец, забрезжили первые лучи солнца. И тут послышалось, как несется конница. Появились всадники в чернобур-

ках, с башлыками на головах. Дед Хачатур встречал их на дороге. Кони на дыбы, фыркают, не хотят останавливаться.

Командир ласково обратился ко мне: “Что, касатка, не спим?”. Я по-русски хорошо говорила, и отвечаю ему: “Мост заминирован”. Конники устроили привал для лошадей. А саперы миглом очистили мост.

Скакуны у всадников все, как на подбор, темно-красного, коричневого окраса, а одна лошадь, как сейчас помню, серобелая с пятнами, как горошек, и с бахромой на ногах.

Один пожилой солдат слез с коня, дал мне кусок сахара-рафинада. Лакомство было цвета морской волны, размером с мой кулак. И еще сухари солдатские. “На, внучка, макай в чай и ешь”, – сказал он мне и погладил по голове.

А уже за мостом командир помахал рукой в знак прощания и прокричал: “Я вам вышлю награду, деду и твоей внучке!..”.

В награду нам всем достался мир. Наша Великая Победа.
Ш. ТУХИКЯН (КИЛАФЯН).

